

АСЯ ПЕТРОВА
СЕЛИН СААДИ

НЕВЕРНЫЙ

ЖЕСТОКИЕ ЧУВСТВА

Ася Петрова

Неверный. Жестокое чувства

«Литнет»

2023

Петрова А.

Неверный. Жестокие чувства / А. Петрова — «Литнет», 2023

— Хочу других женщин, можешь себе представить?! Я не требую развода. Ни в коем случае не оставлю детей, но тебе нужно это принять.— За что ты так с нами? — ошарашенно шепчу. У нас двое детей, за плечами семнадцать лет брака, а муж понял, что хочет других женщин...#властный герой #измена мужа #общие дети #очень эмоциональноХЭ!

© Петрова А., 2023

© Литнет, 2023

Содержание

Глава 1.	5
Глава 2.	8
Визуализация.	11
Глава 3.	12
Глава 4.	14
Глава 5.	17
Глава 6.	19
Глава 7.	22
Глава 8.	25
Глава 9. Демид	28
Глава 10.	30
Глава 11.	33
Глава 12.	35
Глава 13.	38
Глава 14.	40
Конец ознакомительного фрагмента.	42

Глава 1.

— Златочка, девочка моя, не капризничай, пожалуйста. Мы опаздываем, — натягиваю на свою крошку боди, пытаюсь аккуратно просунуть ее крохотные ручки.

Вторая беременность далась мне намного тяжелее, чем с Леоном. Да и разница большая по времени. Леона я родила, когда была молода и энергична. Но Злату я очень ждала, и после долгих попыток и слез, у нас с мужем получилась замечательная девочка. Красивая малышка с голубыми глазками и милыми светленькими кудряшками.

Наконец мне удастся успокоить дочь и одеть ее, положив в переноску.

Наспех собираю сумку, складывая туда сцеженное молоко, влажные салфетки и сменную одежду для ребенка.

Живем мы за городом, а насколько задержимся на массаже не знаю. Малышка может вспотеть.

Устраиваю переноску поудобнее на заднем сиденье, пристегиваю все ремни безопасности. Я немного тревожная мамочка, мне проще сто раз проверить, что все в порядке, тогда я буду точно спокойна.

Сажусь за руль, настраивая комфортную температуру воздуха в салоне, включаю приятную успокаивающую музыку на фоне, и нажав на брелок, открываю ворота.

В запасе времени нет, но я с досадой осознаю, что бензина не так много. Может не хватить до нужного адреса. Поэтому решаю заехать к мужу на заправку, тем более она тут недалеко и по пути.

С мужем мы в браке уже семнадцать лет, я только выпустилась из школы, и появился он. Демид Аристов. Была очень холодная зима, ветер пробирал до костей, снег мел так, что перед лицом была белая стена. А я стояла на остановке после факультативов, ожидая свой автобус. Только вот уже двадцать минут ничего на горизонте не виднелось, а я все больше мерзла.

Передо мной притормозила черная машина, как сейчас помню, я испугалась и дернулась в сторону. Из авто вышел молодой парень, очень красивый и уверенный в себе.

Смотрел на меня и улыбался, а я все понять не могла, что он хочет.

Предложил подвезти, я замешкалась на месте, не могла решиться сесть к нему. И какое счастье, что села. Потому что этот парень стал моим мужем. Через год уже после нашей встречи я была беременна сыном.

Я вышла замуж за смелого, веселого, любящего, надежного мужчину. То, как он обо мне заботился все эти годы, никто так не делал больше. Он помнил все важные даты, всегда баловал меня подарками и цветами, даже когда денег у нас особо не хватало. Всегда интересовался моим мнением, спрашивал нравится мне что-то или нет. Никогда не обделял вниманием.

Когда в нашу семью пришли большие деньги, он стал более холодным и сдержанным. Бизнес привнес в нашу жизнь частые командировки мужа, приходы домой в ночи, редкие вечера с семьей. Но все же, я очень горжусь мужем.

Он всего достиг сам, ему никто не помогал. А я просто была рядом и любила его, всегда. Без денег и с деньгами.

Сейчас сеть заправок Демида Аристова знают по всей области. Хотя попасть в такой бизнес и наладить отношения с правильными людьми очень тяжело. У мужа вышло.

Набираю его номер, спросить как дела, но на первом гудке отключаюсь. Демид не очень любит, когда я звоню в рабочее время по всяким глупостям, а я просто скучаю. Но все же не стоит его сейчас дергать.

Злата мирно посапывает, собирая свои губки в милый бантик. Любуюсь нашей красавицей в зеркало заднего вида. Она очень хорошенькая вышла, и хоть муж не сильно хотел второго

ребенка, аргументируя это тем, что раньше нужно было рожать, а сейчас можно пожить уже для себя. Я все равно рада, что решилась на это. Разве такое чудо можно не хотеть?

Заезжаю на заправку, молодой парень лет двадцати тут же предлагает свою помощь. Я прошу его залить полный бак, и подхватив сонную дочь на руки, иду внутрь, чтобы оплатить.

Злата снова начинает хныкать, но я не могла ее оставить в машине. Я вообще боюсь ее оставлять пока-что одну, да и негуманно это. Мало ли что может случиться, я по телевизору таких ужасов насмотрелась.

Демид часто говорит, что я тревожусь по пустякам, его это почему-то жутко злит, но я не могу по-другому. Ведь любая мать переживает за своих детей. Я и за сына очень переживаю, ему пятнадцать и он тот еще сорванец. Оторви и выбрось.

— Четвертая колонка, пожалуйста, — проговариваю девушке в униформе и достаю карту лояльности.

Злата еще сильнее хнычет, исходясь пока не на крик, но уже подобие его. Я укачиваю ее на руках, целую в лоб, но это не работает.

— Секунду, я еще кефир возьму, — прошу девушку подождать и пробираюсь сквозь стеллажи со сладостями к холодильнику. Он стоит в самом конце у двери к служебному помещению. Ищу глазами кефир, тут же откупориваю крышку и капнув себе на руку немного кисломолочного продукта, проверяю его температуру. Очень холодный.

Дочка успокаивается, увидев снег за окном. Наблюдает внимательно, немного удивленным взглядом. Выдыхаю, радуясь, что она наконец-то перестала плакать. Уже собираюсь уходить, как слышу знакомый голос.

— Свет, давай не здесь! — голос мужа немного злой, — Я хочу сначала проверку провести, а потом можем поехать в отель.

— Ну, коть, я сейчас хочу. Я уже такая влажная, что не могу терпеть, — сглатываю ком, не до конца осознав сказанное мелодичным женским голосом.

Подхожу ближе, благо дверь приоткрыта, я смотрю в щель и замираю. Сердце стучит набатом, к горлу подкатывает тошнота вперемешку с жуткой тревожностью.

Света, помощница моего мужа, берет его ладонь и прикладывает к своему интимному месту. Он окунает длинные пальцы в ее лоно, притягивает к себе и целует.

Дальше я смотреть не хочу, молча прикрываю глаза, прося внутренне саму себя не рыдаться. Отхожу к кассе, быстро оплачиваю и выбегаю.

Парень с улыбкой говорит, что все готово, но я настолько растеряна, что просто киваю. Пристегиваю Злату, но руки трясутся, и я не могу попасть в защелку. Перед глазами все еще эта картина. И я не могу поверить, что это правда.

Это невозможно. У нас идеальный брак, мы любим друг друга.

Дочь, словно чувствуя мое настроение, не решается больше капризничать, снова засыпает.

Я еду по дороге, смотрю вперед, а в голове хаос. Сжимаю крепче руки на руле, сбавляя скорость. Потому что мне плохо, приступы паники накатывает волнами.

Все же решаюсь набрать мужа, не может быть правдой то, что я увидела.

— Да, Диан, — он быстро берет трубку, — Что-то случилось?

— Нет, просто хотела узнать, где ты.

— Я приехал на проверку на заправку недалеко от нашего дома, — он не врет, — Но уже собираюсь уезжать. Домой на обед не загляну.

В отель? С ней?

— А я тоже не дома, везу Злату на массаж, — ловлю онемевшими губами соленые слезы, — Тебя ждать на ужин?

Пожалуйста, скажи да.

— Скорее всего буду, мне пора. Будьте аккуратны.

Он кладет трубку, не говорит как раньше “люблю” или “целую”. Просто сбрасывает...

Глава 2.

Пока ребенку делают массаж, я словно нахожусь не здесь. С отсутствующим видом трясу погремушку, чтобы Злата не плакала.

В голове одна мысль сменяет другую. Но основной маячит та, что я прекрасно догадываюсь где и с кем сейчас мой муж. Невпопад улыбаюсь нашему врачу, делая вид, что я в порядке.

Знаю, что должна быть сильной и открыто поговорить с мужем. Вероятно другая бы на моем месте закатила бы скандал еще там, только увидев эту вопиющую картину. Однако, я не стану подобным образом убивать его авторитет, да и воспитание дает о себе знать. Я росла в семье интеллигентных ученых, поэтому генетически во мне проявление культуры во всем.

К тому же, я, как жена достойна хотя бы честного разговора.

В конце сеанса доктор говорит, что все в порядке, и скоро Злата должна встать на ножки, я же вежливо благодарю и спешно собираю ребенка обратно.

По пути домой дочь после бутылочки молока засыпает, давая мне немного времени, чтобы привести мысли в порядок. Я же старательно обдумываю, как начну этот разговор за ужином, на который он должен успеть после...

Выдыхаю.

Отчего-то хочется приготовить любимое семейное блюдо, возможно, как напоминание того, что он разрушает.

Спустя несколько часов я наблюдаю результат своих трудов. Салат из овощей, несколько закусок, и утка, фаршированная яблоками. Посередине стола красуется ваза с живыми цветами, аккуратно разложенные салфетки у тарелок.

Красиво, как я люблю... Омрачает мое эстетическое удовольствие лишь то, чем может закончиться этот ужин.

Слышу, как открывается дверь, и забирая дочку из манежа, иду встречать мужа. Пытаюсь скрыть волнение, потому как предстоит, вероятно один из самых тяжелых разговоров в моей жизни.

— Привет.

Тут же картинка, как мой муж лапает молодую девушку снова перед глазами.

— Где Леон? — хмурится Демид.

Ведет себя как обычно. Совершенно. Так же смотрит в глаза, не тушует, так же буднично задаёт вопросы.

— Тренировка сегодня, — отвечаю немного волнительно: — Дочь, смотри, папа пришел, — подхожу ближе, в то время как Злата издает только ей понятные звуки.

— Привет-привет, — отвечает равнодушно Демид: — Я в душ.

— Хм... я уже накрыла на стол.

Он резко вдыхает, и не поворачиваясь, двигается в сторону ванной.

— Руки то хоть можно помыть?

Раздраженных нот не слышу, но так ярко вижу, как он далек от меня. Отрешен и не желает вернуться.

Нерв начинает бить не на шутку, вспоминая то состояние на азс.

Глупо искать правдоподобную причину тому, что я видела...но я искренне хочу верить, что...у него не хватит наглости и цинизма разрушить нашу семью.

Только, пожалуй, он уже это сделал.

Иду обратно в столовую зону, вновь оставляя ребенка в манеже. Убираю все игрушки, что Злате удалось вытолкать.

Минутой позже Демид в рубашке с засученными рукавами уже входит к нам.

— Пить что будешь? — хочу налить воды в стакан себе и ему.

— Ничего, — безэмоционально отвечает.

Накладывает салат в тарелку, на меня даже не смотрит. Аккуратно сажусь за стол.

В горле пересохло, не представляю, как подобрать слова к этому разговору.

Семнадцать лет брака — это ведь не год, ни два, ни три. Это целая жизнь, которую мы оба когда-то выбрали.

Мы были друг у друга, несмотря ни на взлеты, ни на падения. Я старалась максимально освободить его от домашнего быта, давать время на отдых, не доставать с не забитым гвоздем. Да просто любить его и восхищаться им...

В какой момент я потеряла из виду, что все настолько плачевно?

Муж молча ест, просматривая что-то в телефоне, а мне кусок в горло не лезет.

— Демид, — тихо подаю голос, наблюдая за мужчиной: — Ты не хочешь поговорить со мной?

Он отвлекается, бросая взгляд темных глаз прямо в душу, и вскидывает бровь.

— О чем?

Казалось бы простой вопрос, но он вдруг обижает.

— Да о чем угодно. Как твой день прошел? — пожимаю плечами.

— Нормально. Твой? — отвечает даже не глядя.

— Вполне неплохо, кроме одного инцидента, — отвечаю, набирая на тарелку овощи.

— Что опять? — хмурится.

Собираюсь с духом, чтобы выдать ему в лоб.

— Застала своего мужа лапающего свою помощницу.

Как ни стараюсь держать голос ровным, на последних словах он сбивается. Застываю в ожидании ответа и наблюдаю за Демидом.

— И что ты хочешь услышать? — вздергивает бровь, с совершенно равнодушным лицом спокойно продолжая есть.

От такой наглости даже рот открываю, не в силах понять, где тот мужчина, за которого я выходила замуж.

— Хотя бы объяснений я не заслужила? — в недоумении мотаю головой: — Причину, почему ты так поступил? Почему ты лапал другую девушку в подсобке своей заправки? Это ведь даже звучит дешево и вульгарно!

Он сжимает зубы, являя желваки на лице, и со звоном бросает приборы в тарелку.

— Причину значит... Хорошо, — прожигает раздраженным взглядом: — Потому что хотел. Такой ответ тебя устроит?

В глазах ни капли раскаяния, лишь нахальная усмешка.

Глаза наливаются слезами от обиды, и в то же время будто становятся больше из-за ужаса.

— Хочу других женщин, представляешь? Хочу вульгарного, мать его, пошлого секса. И раз уж ты узнала, я рад, что теперь ты в курсе, — без зазрения совести уверенно заявляет: — Я не требую развода. Ни в коем случае не оставлю детей, но тебе нужно это принять, — вновь берется за вилку, а я так и сижу с остановленным сердцем.

Пара капель соленой влаги уже стекают вниз к подбородку.

Мне больно. Очень.

Невозможно объяснить, что я чувствую сейчас. Это такая, пронзающая душу боль, приправленная унижением от человека, от которого ты меньше всего ждал подобной подлости.

— За что ты так с нами? — шепчу, ища ту искорку из прошлого в его глазах.

— Да твою мать, Диана! — снова швыряет приборы: — Ты хотела ужина, я пришел есть, теперь ты не даешь и кусок прожевать! Как думаешь почему?! Да потому что вся жизнь именно это! — обводит руками стол: — Вечно уставшее недовольное лицо, разговоры только о пеленках, массажах, салфетках, оценках, шторах и прочей хрени! А и главное, эта, блядь, — нака-

львает на вилку кусок мяса: — Гребаная утка, от которой уже тошнит! — заканчивает тираду на повышенных тонах, и убирая салфетку с колен, встает.

— Надеюсь, я доступно объяснил тебе причину! — с сарказмом бросает напоследок, а я так и остаюсь умирать, сидя за столом одна.

Одна.

Ощущение, что об меня сейчас вытерли ноги, оставив всю грязь. Грязь, которая толстым слоем легла на прошедшие семнадцать лет жизни. Перевожу взгляд на дочь, что играет в манеже, не в состоянии остановить непрерывные безмолвные слезы.

Визуализация.

Дорогие наши читатели!

#####

Мы решили не тянуть с визуализацией, поэтому спешим поделиться и услышать ваше мнение :)

Помним, да, что это исключительно наше видение, а ваше восприятие вполне может отличаться ##

Порой грубый и нещадный глава семьи - Демид Аристов, 40 лет

Нежная, но вместе с тем сильная - Диана Аристова, 35 лет

Юный красавец и сорвиголова - Леон Аристов, 15 лет

Очаровательная и невероятно сладкая - Злата Аристова, 1 год

Будем рады вашей активности и увидимся в следующей главе ♥#

Глава 3.

Срываю с вешалок всю его одежду, разбрасываю по гардеробной, остервенело топчась по дорогим костюмам. Хочу все это сжечь, но рука не поднимается. Вешалки гремят от моих хаотичных действий, но я продолжаю биться в истерику, кусаю губы, и открыв все выдвижные ящики, достаю оттуда коробки с дорогими запонками и зажимами для галстуков. Все скидываю на пол, безрассудно разбрасывая вещи по углам.

Уставши падаю обессиленно на пол, и обездвижено сижу на мягком ковре в гардеробной. Сжимаю в руках белоснежную рубашку мужа, приложив к носу манжеты, которые еще хранят потрясающий запах парфюма с нотками древесины и табака.

Мне всегда нравилось, как от мужа пахло. А теперь этот запах будет вдыхать другая женщина, также окунать свой нос в изгиб его шеи, ласкать пульсирующую венку языком.

От осознания этого меня прошибает током, становится невыносимо больно. Душевная боль настолько нестерпима, что я бы предпочла лучше перелом костей, чем чувствовать сейчас хоть что-то. Но я ощущаю каждый свой рваный вздох, каждую слезинку, и становится только хуже.

Вокруг разбросаны вещи, все вверх дном, а мне плевать. Впервые за последние лет десять мне плевать на чистоту в доме, потому что желание одно — все разнести тут, выпустить эту злость наружу. А то она съедает меня изнутри по маленькому кусочку, отрывая все живое и смакуя.

Кто же знал, что это настолько больно. Ведь к такому не готовят, нет ни одного пособия, где сказано как пережить боль и унять рвущееся сердце. А даже если и есть... То это все не сработает.

Я прокручиваю в голове как на повторе его слова. Разве так бывает? Я вот не хочу других мужчин, и никогда не хотела. Потому что Демид был лучшим для меня во всем, я не делала из него идола, но факт остается фактом. Другие мужчины на его фоне меркли. Такого другого нет, он самый лучший.

А я вот для него не самая... Как у него все просто оказалось, хотеть других женщин и спать с ними — это нормально для него.

Не понять мне такого никогда. Я не смогу с этим жить, не смогу его больше впустить в нашу постель. И без него не смогу. Но я должна отпустить, кто знает, сколько уже этих женщин было за столько лет брака.

Из детской комнаты доносится истошный крик. Дочка проснулась, я комом скидываю все вещи Демиды в раскрытый чемодан и бегу к малышке.

Злате нездоровится, видимо все эти капризы были не просто так. У нее поднимается температура, а я все еще не могу отойти от разговора с мужем, как появляется еще одна головная боль.

На руках она не успокаивается, пытаюсь ей дать жаропонижающий сироп, но дочь так кричит и трясется, что я даже ложкой в рот попасть не могу.

— Доченька, пожалуйста, успокойся, — глажу ее по вспотевшей спине.

Собравшись с духом, клацаю короткими, ухоженными ногтями по экрану смартфона. Набираю номер скорой, но там занято. А у дочери тем временем температура достигает 39. И я бьюсь сама в ознобе, потому что мне страшно.

Я совсем одна. И я не знаю как справиться с этим.

Наконец на том конце провода мне отвечают, тараторю, объясняя женщине всю симптоматику, называю адрес и жду.

Жду, чтобы это скорее все закончилось. И чтобы сказанное Демидом было ложью, но так не бывает. Сказки не для взрослых девочек, не стоит в них верить.

Дочь никак не хочет успокаиваться, и я решаюсь позвонить Демиду. Неважно, что между нами происходит, но дети у нас общие. И ответственность общая.

Я не хочу решать вопросы одна, мне нужна помощь.

— Что, Диана? — он рычит в трубку, — Почему Злата орет?

Его голос грубый, он сильно раздражен. Хотя это я должна злиться и высказывать свое “фи”.

— Приезжай домой, Злате очень плохо. Температура 39.

— Что ты опять паникуешь? Все дети болеют. Забало меня это все, Диан. Как любая мелочь появляется, ты сразу в панику уходишь. Соберись, ты же взрослая женщина. Надо уметь держать себя в руках.

— Зачем ты так?..

— А как? Ой, тут царапина, тут животик болит. Мне кажется ты сама придумываешь эту ерунду и веришь в нее. С Леоном так не было. Что с тобой, Диан?

— Как ты можешь такое говорить? Я не придумываю, ей правда плохо. Я вызвала скорую.

— Ну вот пусть приедут и обрадуют тебя. Скажут, что все в порядке. Но нервы тебе все же стоит подлечить, у тебя уже паранойя.

— Ты мне отвратителен, — я не верю, что это его слова. Но это так. И я не знаю, как смириться с тем фактом, что он так жесток и холоден со мной. Неужели ему плевать на дочь?

— Я твой муж, но это не значит, что я готов подтирать твои сопли и слюни. Сколько можно? Я женщину хочу, а не домохозяйку и мамочку. Мне кажется я все тебе сказал еще за ужином. И ты ничего, блядь, не поняла.

— Но Злата и твоя дочь, неужели тебе все равно? На меня тебе плевать, но малышке нужен отец.

— Да я вообще не хотел этого ребенка! — его слова ядом расползаются по венам. Я тут же замолкаю, больно прикусив губы, почти до крови.

Он молчит, я слышу только его дыхание.

— Я тебя услышала, прости, что мы тебя побеспокоили. Можешь идти дальше трахаться.

— Ди..., — я не хочу слушать его больше. Он достаточно уже сказал слов. Кладу трубку, прижимая ребенка ближе.

И теперь мое сердце разрывается не только за свою боль, но и за дочкину. Он отказался от меня, но как он мог отказаться от нее?

Как он может такое говорить? Это же его маленькая девочка.

Ненавижу, как же я ненавижу.

Глава 4.

Сию на огромном светлом диване, поджав колени и смотря в одну точку. Освещают огромное пространство лишь приглушенные светодиодные ленты, пущенные по периметру потолка. Шторы в пол молочного цвета наглухо зашторены, не давая возможности сумраку с террасы заглянуть в помещение. На стеклянном столике рядом кружка остывшего чая.

Идеальный порядок.

Полка над камином с нашими фото. Свадебные, где я влюбленными глазами смотрю на мужчину своей мечты. Дальше парочка снимков, где я беременная сыном, потом втроем с маленьким Леоном. На правой стене от дивана его отдельные фото каждого года жизни. И последние, где я беременная Златой и с ней на руках.

На каждой снимке со мной необъятное счастье. А сейчас это как будто картинки чужой жизни.

Полумрак давит грузом всего того, что я проживаю последние несколько дней.

Повышение температуры у Златы, которую удалось сбить только с помощью врачей. Главное, что меня заверили, что это не инфекция. Ребенок почти сразу уснул после ухода врачей и лекарств, поэтому следующие несколько часов я потратила на то, чтобы выставить его вещи. Пришлось позвонить одному из его подопечных и дать указание, чтобы их отвезли ему в офис.

Не знаю, осведомлен ли он... хотя чего тут не знать, конечно, ему сообщили. Но судя по молчанию и отсутствию его здесь после, это то, чего он и хотел.

И плевать где он будет жить, как и с кем. Больше не хочу ни слышать его, ни знать.

Я отчаянно не хочу отнимать у детей отца, но его слова, брошенные мне с явной неприязнью, даже с яростью теперь навсегда запечатлены в душе.

Как же я глупа... верила в то, что Демид дорожит нашей семьей.

Однако, нет. Я ему не нужна. Более того... мы не нужны ему.

Одинокая слеза скатывается из глаз, как остаточное явление того, что истерика уже прошла. Несомненно стараюсь держаться ради детей, но иногда так сложно.

После всего того, что мы прошли: огромное количество моментов счастья, любви, уважения... Сейчас не осталось ничего. Абсолютный ноль.

Все разрушено его словами, враньем и предательством.

Снова бросаю взгляд на часы, сдерживая тревогу за сына. Уже далеко за полночь, а телефон Леона так и молчит.

Молюсь, чтобы с ним ничего не случилось. В последнее время совладать с мальчиком все сложнее, а как я буду бороться с его реакцией на поступки Демиды и представить боюсь.

Внутри пиявками обескровливают душу и тело страх, обида, боль, вина, ненависть. Никогда я еще не испытывала подобный набор чувств так остро и так отрезвляюще.

Дверь тихо открывается, и я слышу, как крадется Леон. Уже далеко за полночь, а его телефон молчал все это время.

Собираюсь с духом, стирая слезы, чтобы поговорить с сыном.

— Леон, — слышу его тихое бурчание.

Тем не менее он все же реагирует и входит в гостиную.

Мой первенец. Красивый сын с тяжелым характером, как у отца. Мне так сильно хочется найти к нему подход, чтобы он не чувствовал себя ненужным, когда он все узнает.

— Привет, мам, — говорит ломаным голосом.

Подросток, который совсем скоро станет мужчиной. И как же мне хочется, чтобы он не повторял ошибок своего отца.

— Время первый час ночи. Телефон выключен, — начинаю спокойным тоном, не хочу давить, потому что кажется, что все мы ходим по хрупкому льду.

Одно неверное движение и полетим вниз.

— Я же говорил, — кривя лицо отвечает: — После тренировки пойду с друзьями погулять.

— Плавание заканчивается в десять, Леон, — укоризненно замечаю: — Сейчас уже ночь. Ты бы мог хотя бы ответить на мои звонки и сказать, что с тобой все в порядке.

— Мам! Трубка села! — вижу, что начинает нервничать.

— Сынок, так не пойдет. Ты отпустил водителя, даже не передал через него, что ты гулять будешь. Отец будет крайне недоволен твоим поведением.

Их связь всегда была чем-то нерушимым, поэтому осознанно давлению тем, кто для него авторитет. Я не хочу и не люблю с ним ругаться, но порой...

— Пффф! Мам, ты сама то в это веришь?! — вдруг заявляет, а в глазах такое пренебрежение, что я не узнаю в нем своего ребенка.

— О чем ты? Леон...

— Очнись, мама! — раскидывает руки в стороны: — Ему по барабану это все! Ты, я, Злата! Он развлекается с малолетками, а ты тут носишься с домом и готовишь ему свою утку! Самой то не смешно?!

Смотрю на сына, испытывая вину, боль и удивление от того, что он видит гораздо больше, чем я наивно предполагала.

— Леон, сбавь тон, — беру себя в руки, строго отчитывая его: — И не говори глупости! С чего такие мысли? Твой отец... несмотря на наши разногласия он остается твоим отцом!

Циничный смех сына заставляет сердце сжиматься.

Встаю, подходя к нему ближе.

— Семья Говоровых видела его в ресторане... — сквозь насмешливый голос прорывается детская обида.

Сердце пропускает удар и я не знаю, что ответить ему.

Идиот!

Следом вспыхивает неприязнь и ярость, которую титаническими усилиями сдерживаю.

— Взрослая жизнь порой трудна, сын. Я не хочу с тобой ругаться... — оказываюсь еще ближе, желая обнять, но обоняние улавливает пары алкоголя: — Леон, ты пил?! — голос взлетает на октаву.

Он закатывает глаза, и хочет развернуться.

— Нет! Мам, вот давай без этого! Разберитесь сначала между собой, а меня не трогайте! — будто даже с усталым раздражением он говорит.

Слезы уже собираются в уголках глаз... я как будто теряю своего ребенка.

— На следующий месяц у тебя комендантский час! — повышаю тон смотря в опущенные плечи удаляющегося сына.

— Ага, — безразлично звучит в ответ.

Сама же грузно опускаюсь на подлокотник кресла.

Ярость снова просыпается какой-то массивной волной.

Как же я тебя ненавижу, Аристов!

Тру лицо, отчаянно стараясь удержать паническую атаку. Больше всего в жизни я не хочу, чтобы мои дети проживали это! И не допущу, чтобы на них отражалось скотство их же отца!

Однако, объяснять его поступки я не намерена, для этого он сам будет подбирать слова.

Я хотела по-хорошему, только мое состояние явно говорит о том, что так не получится... Не получится не потому, что он унизил и предал меня, а потому что даже не задумывается о том, каково будет нашим детям.

Не покидают голову и мысли об обиженном сыне. Марк Говоров его одноклассник, но это как раз та компания, которую я бы обходила стороной и с которой не желаю видеть своего ребенка.

Как я воспитаю в Леоне мужчину?

Я ведь женщина, ему нужен отец, который будет участвовать, проводить время вместе. Без давления направлять, чтобы ребенок сам выбрал правильное решение. А если и будет не прав, то быть рядом и дать понять, брать на себя ответственность за поступки — это как раз быть взрослым и сильным.

Только как мужчина, являющийся его отцом, будет это доносить, вопрос.

Поднимаю глаза к потолку.

Где бы мне взять сил, чтобы не сломаться. Сил, чтобы выдержать.

Если вам нравится наш роман, то будем рады библиотекам, лайкам!

И если вам интересно следить за новостями о новинках и скидках, то можно подписаться на авторов.

Всех обнимаем! Спасибо за вашу активность #####

Глава 5.

В кабинете мужа все лежит также, как в тот день, когда он ушел. Кипы бумаг на дубовом столе, плотно зашторенные занавески, потому что Демид не очень любит яркий свет. Лампа из мраморного плафона на золотой тяжелой подставке, книжные полки вдоль всей стены.

Никогда не замечала раньше, что муж расставлял книги по алфавиту корешок к корешку, а сейчас, проводя влажной тряпкой вдоль стеллажей, заостряю внимание на каждом элементе.

Это то место, где он любил проводить время. А может прятался тут от нас?...

На столе с края стоят две фотографии в красивых рамках из красного дуба. Наше свадебное фото и первый год жизни с Леоном.

С досадой осознаю, что фото со Златой нет. Словно нашей девочки и не было никогда в его жизни. Она была моей дочкой, но не его...

Говорят, что папы любят девочек больше, передают им свой характер, свою любовь, ласку и заботу. Не знаю, почему Злате всего этого не досталось. И мне обидно за дочь до боли. Вспоминаю эти голубые бездонные глазки малышки, и грудь рвется в клочья.

Ну как же ты мог, Демид? Не полюбить золотую девочку...

Осознаю, что не хочется покидать кабинет, хотя я тут уже очень долго, и все пропитано мужем, его запахом. Но что-то держит. Словно я что-то могла забыть.

Никогда не заходила в кабинет мужа вне его присутствия, он не запрещал, конечно, но просто наводить порядки в его обители было бы неправильно. А сейчас одно желание — раскидать тут все к чертовой матери также как и в гардеробной.

Но я держусь...

Прохожусь в третий раз по столу тряпкой, смахивая пыль, хотя ее там уже нет, и как назло, случайно задеваю эту несчастную макулатуру. Бумаги падают на пол, на секунду ловлю себя на мысли, что может так все и оставить. Но все же опускаю на корточки, поднимая важные документы.

Глаз цепляется за клочок термобумаги, потому что в самомверху виднеется название известного и довольно дорогого бренда.

Меня это не должно смущать, муж любит дорогие вещи, да и я не хожу в масс маркете. Однако, "Фурла"...

Такое он покупать не будет. Я знаю название каждого бренда и магазина, где он предпочитает одеваться. И даже имя его портного.

Выдергиваю чек из-под слоя бумаги, скинув их обратно на пол, потому что пальцы до боли сжимаются в кулаки и подрагивают.

Сумка из новой коллекции. Сорок семь тысяч. Цена не смущает, а вот подарок был явно не для меня.

А я ведь такую хотела на день рождения. Он точно знал, я показывала ему фото этой сумочки и говорила, что она мне нравится. Видать запомнил, а купил не мне.

Женская обида и ревность поднимаются откуда-то из недр, внутри все трясется и клочет.

Ну почему какой-то сучке он подарил то, что хотела я? Мать его детей. Та, что была рядом семнадцать лет.

Я уже надрываю злосчастную бумагу, чтобы разорвать от ярости этот чек, как дверь распадается.

Поднимаю взгляд и вижу недовольный прищур мужа. Сглатываю, ища слова внутри, чтобы высказать ему за всю боль. Но от вида любимого человека, хоть и предавшего меня, нас, я цепенею.

За что ты так, любимый?

— Я за документами, — он сипит, голос охрипший. Начинаю переживать, что вдруг он заболел, но одергиваю себя.

Меня это больше не должно волновать.

— Привет, — усмехаюсь, качая головой, — А помнишь, я тебе сумочку показывала, которую очень хотела? Ты еще сказал, что такая ерунда почти полтос стоять не может.

Демид недоуменно вскидывает бровь. Ждал истерик, а я тут про сумку...

— И? — он не соглашается и не отрицает.

— Ты ее купил.

— Диан, прекрати говорить загадками. Это утомительно.

Набираю в легкие побольше воздуха.

— Ты ее купил, — кладу чек на стол прямо перед ним, — Но не мне.

Обхожу мужа стороной, двигаясь к выходу. Жду, что хоть что-то скажет. Хотя бы, что ему жаль. Но он молчит.

Ладно, есть вещи куда важнее сумки. Например, дети.

— Демид, поговори с Леоном. Он в курсе твоих... — слова даются с трудом, — Твоих развлечений.

— И что я должен ему сказать? Взрослый парень уже. Разберется.

Я хочу уйти, но не могу промолчать. Как же цинично звучит его голос. До остервенения раздражает.

— Ему пятнадцать, Демид. И его одноклассник в школе рассказал ему, что видел его отца с другой женщиной. Может наш сын и умный не по годам, но он ребенок! — я повышаю голос, тыча пальцем в сторону мужа, — Имей совесть, раз ты натворил дел, то хотя бы перед сыном постыдись. Ты был всегда для него авторитетом. А сейчас что?... Ты знаешь, что он вчера пришел домой выпивший в час ночи? И не брал трубку!!! Ах, ну да, конечно... Откуда ж тебе знать, ты же у нас теперь вольная птица.

— Прекрати этот дешевый цирк. Столько эмоций, Ди. Аж горишь вся. А чего ты последние годы то не проявляла себя так?..

— Ну знаешь ли, Аристов, скотина ты. Разводу быть. А с сыном поговори, пока он не начал тебя ненавидеть. Мальчику нужен отец.

— Хорошо, — вздыхает так, словно делает одолжение, — Я поговорю с ним. Вечером. Идет?

— Это должно быть искренне, Демид. Я знаю, ты сына любишь. Я помню, как ты укачивал его на руках. И ты ему нужен. Выключи уже этот эгоизм, пока поздно не стало...

Я не хочу слушать, что он скажет дальше. Урод!

Хлопаю дверь с такой силой, чтобы все его книжечки повалились вниз.

Глава 6.

— Леон, привет сынок, ты еще в школе?

— Привет, нет, уже в бассейне.

— Но ведь тренировки нет сегодня... — хмурюсь, надеясь, что он не врет.

— Тренер вызвал на индивидуальное.

Тут же расплываюсь в улыбке, потому что горжусь его успехами и тем, что тренер видит упорство Леона и ставит именно на моего сына.

— Отец хочет с тобой поговорить, возвращайся сразу после плавания, хорошо?

— Сама с ним говори, а мне нечего ему сказать! — раздражается подросток.

Перевожу взгляд на дверь кабинета, что от силы удара даже не захлопнулась. Перед глазами все еще стоит этот чертов чек на сумку, которую когда-то просила.

Удобно ведь... жена подкинула вариант подарка, пошел купил, и любовница довольна. А жена, она ведь подождёт, что с ней станет...

От собственных мыслей становится тошно. Мутит и буквально тошнит от отвращения.

— Леон... — выдыхаю в трубку ребенку: — Я понимаю, что это не просто..

— Не просто?! Мам, да он там в ресторане... ты думаешь, что в школе по этому поводу молчат?! Кажется уже весь город знает об этом! — шипит.

— Пожалуйста, Леон. Ради меня поговори с ним. Вы ведь были когда-то командой... — пытаюсь напомнить, как любил он проводить каждую свободную минуту с отцом.

— Это запрещенный прием, ма... — задерживаю дыхание, потому что знаю, он хоть и вспыльчивый, но очень разумный мальчик.

Где-то там внутри он прекрасный друг, отзывчивый товарищ и веселый собеседник. Просто сейчас это все с налетом дерзости и злости.

— Ладно, — спустя паузу выдает: — Но если...

— Леон, не налей.

— Окей, но меня отпустят через полтора часа. — бросает он напоследок, отключая звонок.

В другой бы раз обязательно бы что-нибудь сказал в ответ на нравоучения. Но очевидно, сын сильно злится. Это, честно сказать, вызывает теплоту, ведь у меня есть мой самый любимый защитник. Я не одна, я с маленьким взрослым сыном.

Снова вихрь гнева на Аристова поднимается в душе. Этот человек даже отцом не достоин называться за то, что заставляет переживать своего сына.

Возвращаюсь в кабинет к Демиду уверенно и гордо вскинув подбородок, но не успеваю и слова сказать.

— Раз уж я нужен сыну, то я остаюсь дома, — с привычным равнодушием заявляет мне.

От его поведения, честное слово, глаза на лоб лезут.

— Это мои слова так подействовали?! Надо же! — хлопаю в ладоши, демонстрируя сарказм настолько, насколько могу: — Где ты был раньше, Демид?! О чем ты только думал?! — усмешка прорывается сквозь озлобленный крик: — Впрочем, какие вопросы... ты ведь думал, как бы присунуть первой же попавшейся, но не о своих детях!

— Перестань, Диана! — раздражается.

Вижу как ходят желваки, а сам прожигает убийственным взглядом. Когда-то я считала, что это выглядит сильно.

Но нет.

— Не перестану, потому что все это из-за тебя! — надвигаясь на него, тычу пальцем: — Как считаешь, что твой сын, которому ты нужен, думает по поводу отца, зажимающегося с юными девушками?! — горько улыбаюсь со стойким разочарованием.

Хочу, чтобы он испытывал стыд, чтобы ему стало противно от самого себя.

Демид проводит рукой по волосам, резко выдыхая и напрягая челюсть.

— Не драматизируй, — высекает словами: — С Леоном я решу, — смотрит так, будто я не умею разговаривать с собственным ребенком: — Не лезь.

Горько усмехаюсь.

— Папаша года... — вырывается тихим шепотом: — Он освободится через два часа. И...

Демид, подбери слова, чтобы подготовить сына к нашему разводу.

Ужедвигаюсь к двери, чтобы выйти из кабинета, но он хватает меня за руку.

— Поумерь свой пыл, — чеканит прямо в лицо: — Дети не будут расти с матерью-одиночкой.

— Вот как?! — театрально удивляюсь: — Хотя, да, ты прав... У них ведь будет отец выходного дня! — противостою, как могу.

Потому что не позволю вытирать ноги, ни об себя, ни тем более касаться Леона и Златы. Не после того, как самозабвенно и бескорыстно много лет назад отдала ему душу по его же просьбе.

— И это ты так решил, не я! — выдергиваю руку.

— Я ни слова не сказал о разводе. Это все твои фантазии и желание показать, что ты все можешь? Что ты сильная женщина, и детей накормит, и дом уберет, и ужин приготовит... Хотя вот, незадача, какой в этом смысл? А? — вздергивает бровь: — Как же мамочка отдаст детей няне?! Как же передаст ведение ремонта и уборки?! — смотрю на его спектакль, роняя слезы.

Я думала, что значима и ценна для него... а оказалось...

— Вот объясни мне, ушатываться, чтобы что, Ди? Чтобы на хрен слить отношения с мужем?

Нет, то, что он считает меня виноватой, я понимала... Я и сама осознаю, что моей вины равная доля... Однако, ощущение, что в каждом слове сквозит то навязываемое чувство, которое он пытается возложить на меня сверх меры.

— Прости, Демид... — голос пропадает, а он прикрывает глаза, поджимая губы: — За то, что слишком старалась тебе соответствовать, — и это ведь чистая правда.

Фамилия Аристов стала узнаваемой только благодаря его рвению и труду. Без связей, без подкупов, чистым и непрерывным усердием.

Я ни дня в жизни не работала, с молодости окунулась в семью и хотела, чтобы он видел, что я могу со всем справиться. Видел, что я не стану содержанкой, которая кроме как пилочки ничего в руках и не удержит.

Горькая улыбка оседает на лице, смотря в глаза любимого, но максимально чужого мне человека. Невозможно ведь в раз взять и вычеркнуть его.

Это тернистый путь, который мне еще предстоит.

— Моя вина есть, и я ее не умаляю. И за это прошу прощения, — смахиваю накопленную пелену в глазах: — Сказал бы в начале, что тебе мало одного партнера, я бы не строила иллюзий.

Он качает головой в разочарованной полуулыбке.

— Все мужчины полигамны по своей природе. Пойми уже, наконец. Мне нужна рядом женщина... Жен-щи-на. А не робот, вырабатывающийся молоко, у которого запрограммированы две версии: быть матерью-наседкой, и быть... — замолкает с глухим рыком.

Обидно? До скрежета зубов.

Вызывает ли это гнев? Сейчас отчего-то нет.

Хочу ли я забыть все, что было связано с ним? Так отчаянно, что кажется не смогу дышать, если не сделаю.

Начисто удалить, оставив лишь прекрасных детей, что нам удалось сотворить. Пожалуй, это единственное, что мы смогли сделать в этой жизни.

— Говори, не замалчивай... — шепчу, понимая, что все то, что у нас копится друг на друга рано или поздно рванет.

Он чертыхается, вскидывая взгляд к потолку.

— Я не хотел, Ди, чтобы все так вышло. Я просто... — не договаривает, скрывая истинные чувства и объяснения, возвращая маску беспринципного бизнесмена: — Оставлять Леона я не намерен, поэтому... развода не будет. А ты смиришься с тем, что нам придется терпеть друг друга в этом доме.

Глава 7.

Демид куда-то стремительно уезжает, а я стараюсь не думать об этом. Плевать. Хотя, конечно, в глубине души ревность, перемешанная с болью, съедает. Но я постараюсь это пережить.

Его условие очень смешное. Он действительно думает, что можно просто ударить по столу кулаком, приказать, и я буду подчиняться?

Увы, как бы я не любила этого мужчину, я не стану следовать его правилам.

Перед глазами начинают бегать картинки, как он сейчас снимает напряжение после нашего разговора со своей помощницей. Мотая головой в разные стороны, крепко зажмуривая глаза, чтобы их голые образы вышли из нее, но ничего не получается.

И я тут же вспоминаю о хорошем. Как мы в первый раз поехали на море, И Демид с рук меня кормил тропическими фруктами, слизывая сок ананаса с моих губ. Как я лежала на лежаке, а он гладил уже округлившийся живот, вечно болтая с сыном. Рассказывал ему про машины, про какие-то фильмы. Щекотал кожу своим дыханием.

А я смотрела на этого мужчину и млела от любви и нежности. Куда все это ушло?

Как там говорят в психологии? Если душевная боль настолько сильная, что уже невозможно терпеть, то нужно сместить фокус на физическую. Только я делаю это неосознанно, абсолютно не замечая, как хватаюсь за острое лезвие ножа, вместо того, чтобы обхватить деревянную рукоятку.

Осознаю не сразу, алые капли крови уже успевают капнуть на разделочную доску и попасть на свежие овощи, которые я разложила для салата.

Шиплю от боли, откидывая нож в сторону, отрываю бумажные полотенца от рулона стоящего на подставке, оборачиваю плотным слоем. Но порез очень глубокий.

Зато притупил ноющую груднину...

— Я всегда знала, Диана, что хозяйка из тебя никудышная, — слова летят в спину, и я даже внутри чертыхаюсь матом, узнав этот голос.

Клара Игнатьевна. Мать Демида.

Кто дал этой женщине ключи???

Я запрокидываю голову к потолку, отсчитываю до десяти прежде, чем повернуть к ней и натянуть самую дружелюбную улыбку, на которую только способна сейчас.

Она стоит у кухонного острова, придирчиво оглядываясь вокруг. На ней ее любимая шуба в пол, подарок сына, и уродская шляпа, которая абсолютно ей не к лицу. И ужасное черное перо, кричащее о том, что какую-то бедную птицу убили ради того, чтобы эта женщина ходила по улицам с гордо поднятой головой.

Не знаю... Я ее не ненавижу. Но и полюбить мы друг друга не смогли. Ей все во мне не нравилось, как я готовлю, как я слежу за домом, как воспитываю детей.

Эти вечные колкие фразы: “Ой, а Демидик любит кашку на молоке.”.

Или: “Дианочка, твоя курица абсолютна сухая, мой сын такое есть не любит.”.

Иногда, из-за сильного давления этой женщины и из-за сильного влияния ее на сына, я старалась угодить. Старалась подстроиться.

А он не оценил...

— Пыльно у тебя, дорогая, — снимает свои кожаные перчатки и складывает их на столе рядом с сумочкой, — Надо обязательно делать влажную уборку хотя бы раз в день. У тебя дети, не нужно им этой гадостью дышать. Ой, кстати, свари-ка мне кофе. Только не такой, как ты обычно делаешь, горький. Аккуратно поджарь в турочке и потом кипятком залей, как я учила.

Ее улыбка во все тридцать два просто сияет как начищенное серебро, а у меня за эти пять минут уже глаз дергается.

Вздыхаю, так хочу сказать, чтобы она встала и сама себя обслужила. Но сдерживаюсь.

Делаю кофе, как она учила, хотя я точно также всегда варила. Наливаю в кофейную пару и ставлю перед ней. Она кривит нос, и я уже жду новую порцию критики.

Рука ноет от боли, напоминая мне о том, что нужно держаться.

— Нет-нет, Дианочка, налей, пожалуйста, в тот красивый наборчик, который я тебе подарила на Новый год.

Она хотела сказать тот страшный уродский сервиз из прошлого века.

Также молча переливаю кофе в нужную ей тару и снова ставлю перед ее носом, пододвигаю к ней ближе вазочку с ее самыми любимыми конфетами.

Уже жду, когда она скажет, что на диете, а потом по привычке съест пять штук подряд. Я каждый жест ее знаю.

— Я вообще к своим любимым мальчикам приехала, — и ни слова про внучку, — Где Демидик и Леончик?

— Леон на тренировке, Демид уехал.

— Куда? — она разворачивает конфету из обертки, как я и говорила. Пред-ска-зую-мо.

— К любовнице, — пожимаю плечами.

И в этот момент она начинает кашлять, поперхнувшись кофе и конфетой. Хочу позлорадствовать и даже улыбнуться, но помогаю свекрови выжить, стуча по спине.

— Что ты такое говоришь? — хрипит.

— Правду. Ваш сын мне изменяет. Наверно, уже очень давно.

— А ты что? — она отодвигает чашку на блюде подальше, складывая руки на столе.

— А что я? Я хочу подать на развод.

— Как это? — ошарашенно смотрит на меня, словно я ерунду говорю.

— Вот так, — развожу руки в стороны.

— Диана, какой безрассудный поступок. Женщина должна быть мудрой. Ну пошел мужик налево, а ты закрой глаза, улыбнись, прильни к нему, да теплом согрей. И перехочет он ходить к другим.

Вот теперь пришло время мне округлять глаза. Все так просто? Забыть и забить, пока он других по отелям...

— Ты же девочка неглупая, из такое интеллигентной семьи. Родители у тебя оба с ученой степенью. А с мужчинам обращаться не научили.

— Ну знаете, — осекаю ее на полуслове. Не могу больше это терпеть. Да и не должна, — Это ваш сын по углам со всякими зажимается, это он забил на семью. Не я!

— Женщина мудрее мужчины в сто раз, Диана, — она вздыхает тяжело, — Если бы я не закрывала глаза на все, что творил отец Демиды, то кто бы знал, где я сейчас была.

В любой другой момент я бы ее пожалела, но сейчас мне жалко себя. И детей. И я имею на это право.

— Это был ваш выбор, — жестко чеканю, — А мой выбор не терпеть.

— Если мужчина изменяет, значит ты что-то не дала ему. Когда ты в последний раз разговаривали с ним? По душам.

И ее вопрос пробуждает во мне бурю ярости вперемешку с пониманием. Мы не разговаривали очень давно.

— А он когда со мной говорил? Когда он спрашивал меня, чего хочу я? Ваш Демид не святой, Клара Игнатьевна, — кидаю ей и ухожу из кухни.

Почему? Сейчас этот вопрос витает в воздухе. А я не могу найти ответа. Почему мы за последние несколько лет не поговорили о нас?

Хотя все это очень важно. Мне нужно пережить с этой мыслью. И с тем, что я закрывала глаза на отсутствие диалога в нашей семье. Но ведь я так старалась быть идеальной женой, я думала ему все нравится.

Что его все устраивает... Черт.

Он тоже не спрашивал меня, как я... Когда лежала и почти умирала после тяжелых родов. В глубокой депрессии.

Глава 8.

Пока здесь была свекровь, даже ее издевательская манера со мной общаться будто отошла на второй план.

Неоном горел один вопрос, по какой причине мы встали не рядом, а напротив друг друга?

Я уверена, что мы любили. Сильно, безоговорочно и взаимно. Это было в его глазах когда-то, это было и в моих.

В голове таится ужасная мысль... Злата далась мне очень тяжело. Сложные роды, обильное кровотечение из-за которого существовала угроза не только малышке, но и мне.

Я помню те мгновения, когда увидела страх в его глазах.

Такой яркий и отчетливый.

Как он после взял на себя обязательства перед грудным малышом, в то время пока я старалась вернуться к ним.

Это был нелегкий путь борьбы с самой собой.

Не раз Демид укачивал ребенка, а я словно будучи где-то не здесь, наблюдала. Странное ощущение, когда ты испытываешь слабость во всем теле, когда разум вроде бы здесь, но его нет. И ты не овощ, но никакого желания что-либо делать у тебя нет.

Тогда, водя только зрачками за тем, как Демид берет все на себя, я ощущала необъятные чувства к этому мужчине.

Да, ему было порой невыносимо, Злата ни в какую не засыпала у него на руках.

А он возвращал ее в кроватку с таким задумчивым и тяжелым взглядом. И подолгу смотрел. В такие моменты почему-то казалось, что он ведет с ней свою беседу.

Однако, однажды, когда он осознал, что я до тремора в руках боюсь взаимодействовать с дочерью, он шепотом сказал слова, которые я по сей день помню..

«Да. Это страшно, Ди. Она почти отняла тебя у меня.»

Даже сейчас вспоминая, слезы сами собой катятся из глаз. В то мгновение, я обняла мужа и сказала как сильно люблю и благодарна ему. А он в ответ, крепко сжав в своих объятиях, просипел, что не позволит никому встать между нами.

Однако, мы и без никого все сделали сами.

В течении нескольких месяцев, я пересилив себя и, благодаря тому, что Демид был рядом, отошла от замершего состояния.

Отголоски еще есть, несомненно. И возможно именно после этого все пошло крахом. Я стала более тревожной, Демид более закрытым, ведь дома жена в несознанке.

Усмехаюсь, качая головой и шмыгая носом.

Не знаю, мы будто потерялись в водах океана претензий друг к другу, и не хотим вылезти на остров, хотя бы, чтобы поговорить.

И кажется, что агония души из-за его действий протекает где-то далеко. Только после слов свекрови, после того, как вспоминала все то, что мы пережили, нашу любовь, то уважение и трепет с которыми мы друг к другу относились... понимаю, агония только начинается.

Я вполне трезво осознаю, что люблю этого мужчину, несмотря ни на что. Может быть кто-то меня поймёт, в моменте сложно противостоять воспаленным эмоциям. Они по своей воле уверенно занимают пьедестал.

Оглядываюсь на коляску, что стоит во дворе дома. Злата там мирно спит, а я на скамейке пускаю молчаливые слезы. Но чем больше думаю, тем сильнее рыдания рвутся наружу.

Ощущение, что я сама себя уничтожаю изнутри. И это та лихорадка, которую нужно как-то пережить, потому что лекарства просто-напросто нет.

И да, я уверена, что Демид не оставит нас на улице, даже когда узнает, что электронное заявление уже отправлено. Он не настолько низкий человек, и никогда не сможет им быть.

Если моему мужу и вскружил голову успех и власть, самое лучшее, что мы можем сделать — это договориться ради детей. Обеспечить им учебу, не терять связь, любить, каждый по-своему. И в конце концов разойтись.

Хоть и говорила, что тихо мирно не получится, но никаких подлостей я физически не смогу сделать.

И к гадалке не ходи, впереди сложный путь, порой вероятно даже невозможный. Но у меня есть те, ради кого я должна.

Поднимаю взгляд, глядя в хмурое небо.

Страшно до ужаса. Страшно остаться одной, поднимать двоих детей, страшно, что больше никогда не узнаю любви. Страшно, что так и останусь с заклеенным скотчем сердцем. Что больше счастливо просто не получится.

Это нагоняет панику и рыдания, прикрываю рот ладонями, проживая этот кошмар.

Всхлипы усиливаются и я боюсь разбудить малышку.

И пусть это адская боль. До такой степени, что будто душу вынимаю... Тем не менее, я не стану той, о которой говорила его мать.

Не смогу. Видеть человека, которого любишь и знать, что от него пахнет чужими духами. Что, на тебя он смотрит, потому что ты мать его детей. Что ты ему надоела.

Вытираю слезы, размазывая тушь.

Очевидно, мой сказочный принц уже не принц, а король. И вместе с этим, в королевы я ему не гожусь.

Пора признать, что наша история не та, о которой пишут романы, и по-человечески попрощаться друг с другом.

— Мам? — хмурый сын приближается.

Спешно смахиваю слезы, цепляя натужную улыбку.

— Привет, сынок.

Он садится рядом.

— Ма, ну чего ты? — толкает плечом.

Слезы вновь выступают, их не остановить.

— Все хорошо, — знаю, что он все понимает.

Желваки на лице сына все же проскакивают.

— Да плевать! — вдруг вспыхивает: — Он слабак!

Его гложет обида, я вижу, но это совершенно неправильно.

— Нет, сын, твой папа сильный и порой бывает... — пытаюсь подобрать слово: — Скажем, сложным. Но он твой отец, а ты его сын. И нельзя говорить так о родителях, потому что эта любовь не зависит ни от чего. Наверное, в жизни это единственное, что может быть настоящим и долговечным.

— Но как... если он делает плохо нам?

Смотрит с таким умным взглядом.

Печальная улыбка оседает на губах, и я тормошу его уложенные кудрявые волосы.

— У каждого человека в этой жизни есть выбор, Леон. Он не может быть правильным или неправильным. Мы очень вас любим, и даже если нам придется...

— Я понял... Вы нас не оставите и блаблабла. Только ма, его выбор вредит тебе и мне. Мелкой пока все равно, но нам он доставляет дерьма, — рассуждает, а я укоризненно смотрю на него: — И я... пока не понял, как могу общаться с ним также, как и раньше. Он ведь всегда хотел видеть во мне свою гордость. А тут...

Глаза Леона опускаются вниз.

— И он тобой гордится, сынок. Очень. И он, и я, — со всем своим чувством говорю ребенку: — И послушай, неважно что будет между нами, ты ни в коем случае не будешь оди-

нок. Может быть я немного придирчива и тревожна... Но только потому что мне сложно унять переживания о вас со Златой. Но обещаю, я ...

— Ма, ты лучшая, — улыбается: — Даже если порой борщишь и достаешь, — кривляется, как раньше.

А я роняю слезы, потому что мне не хватает его.

— Люблю тебя, — отвечаю, поджимая губы.

— И я, ма. Только не говори никому, — усмехается, веселя меня.

Этот ребенок делал так всегда, в моменты, когда чувствовал, что что-то не то. Находил слова, чтобы развеять мрачное облако, что тучей висело над головой.

Так же и сейчас.

Когда-нибудь Леон Аристов станет красивым молодым человеком, возможно, даже спортсменом. А я должна запомнить все то, что делала Клара Игнатьевна, чтобы никогда, никогда не повторять всего этого и морально не насиловать будущую невестку.

Глава 9. Демид

— Леон, — стучу костяшками пальцев по двери комнаты сына. Собираюсь с мыслями, прогоняя заготовленные фразы, которые нужно сказать ребенку.

Леона я люблю, он мой первенец и моя гордость. Я понимаю, что он обижен, но взрослые дела не касаются детей. Уверен, что смогу найти нужные слова.

Ди взбрыкивает и обнажает клыки, показывая все свое неприятие ситуации. И как здравомыслящему человеку, ее реакция мне вполне понятна. Ей обидно и больно.

Тяжело ли мне осознавать, что я являюсь сейчас причиной ее слез? Отчасти. Но слишком все сложно.

Отпускать жену я не намерен, для чего? Какой смысл после семнадцати лет брака рушить все, оставлять детей без семьи, где мама и папа. Перетрем. Решим.

— Уйди, — за дверью злобный рык.

Ожидаемо.

— Сын, давай поговорим.

Приоткрываю дверь, заглядывая в комнату подростка. Все стены увешаны постерами, справа стена в постерах его любимых рэперов. Никогда не понимал эту музыку, но увлечения сына уважаю. Помню, как он хотел сильно на концерт одного из исполнителей, и я ходил с ним. За компанию.

Творчество я так и не понял, но зарядился мощной энергией, исходящей от сына. От его горящих глаз.

На левой стороне комнаты висят постеры Олимпийских призеров по плаванию. Леон попал в школу Олимпийского резерва, его старания видны всем. Характер в меня упрямый и настырный. От своего не откажется никогда.

— Я попросил тебя уйти, — снимает большие наушники от доктора Битс, вешая их на шею, и отбрасывает в сторону мышку. Всем своим видом демонстрирует раздражение.

В любой другой день я бы решил повоспитывать его, но сейчас не могу позволить себе еще больше испортить шаткие отношения.

— Леон, сынок, я понимаю твои чувства. Но нам действительно стоит поговорить, — прохожу вглубь комнаты и сажусь на кровать сына, беря в руки его любимую игрушку, которая с ним с самого рождения.

Кручу в руках уши плюшевого зайца, пытаюсь унять нервозность.

— Ну и че ты хотел сказать? — огрызается, складывая руки на груди.

— Первое, я хочу, чтобы ты помнил. Я тебя люблю. Ты мой любимый сын, Леон.

Он отворачивает голову в сторону окна, крутанувшись на кресле, но молчит, разрешая мне продолжить.

— Нас с мамой сильно заботит твое поведение. Что с тобой, сын? Какие-то проблемы в школе? Кто-то обижает? Расскажи мне. Я хочу помочь.

— Ты, например, обижаешь мать. Ненавижу тебя за это, она плачет. Она любит тебя. За что ты так с ней? Разве можно так поступать с любимой женщиной? Или ты не любишь?

Поток вопросов обрушивается на меня, и я честно не был готов на них отвечать. Все сложно. Между мной и Ди все очень слишком сложно.

Это я и озвучиваю Леону.

— Да ничего нет сложного, пап. Если ты любишь, ты будешь за нее бороться и никогда не сделаешь больно. Вот если бы Катку кто-то обидел, я бы ему, — он сам не замечает как начинает откровенничать, но поймав себя, останавливается.

Хмурит брови, уже злясь на себя, что сболтнул лишнего. А я начинаю понимать, что истинная причина его поведения кроется в одной барышне.

— Ты влюбился, сын? — не люблю ходить вокруг да около. Сразу в лоб.

— Да какая разница? — отмахивается.

— Ну что ты, первая влюбленность, это прекрасно.

— Прекрасно, пап, когда взаимно. А Кате нравится этот придурочный Кислицин. Чтоб его. Урод.

Улыбаюсь уголками губ, вспоминая свою первую влюбленность. И как бы странно не было, но в школе меня интересовали девчонки исключительно в сексуальном плане, гормоны бушевали. Занимался профессионально спортом, адреналин гонял по крови. А вот влюбиться не получалось. Все было не то.

В универе тоже ушел в учебу с головой, хотел получить максимум от образования, чтобы построить карьеру. Кстати, получилось на ура. И до девушек дела не было. Вернее до любви.

Зато после окончания университета, когда я только устроился на новую работу, получил хорошее место в крупной компании, с супер зарплатой для моего возраста и опыта. Просто ехал счастливый домой, уже строил планы на будущее.

И увидел ее. Она стояла на морозе, вокруг кружила метель. Хрупкая фигура, невероятные кудрявые темные волосы, выглядывающие из-под шапки. Она крутила голову, переминаясь с ноги на ногу. И я не смог проехать мимо. Это было сто процентов с первого взгляда. Попадание в самую цель. Когда Ди первый раз мне улыбнулась, я уже знал, что это моя будущая жена. Мать моих детей.

Вспоминаю прошлое, и что-то внутри болезненно сжимается. Совесть? Нет. Что-то совершенно другое, болючее настолько, что рвет. Но копаться в себе я не любитель, особенно в своих мозгах. Нахер надо.

— Сын, если любишь, надо бороться. Даже если не взаимно. Девочки любят смелых пацанов, рискующих. Слова — это пыль. Ты поступками покажи свою заинтересованность. Цветы подари, в кино пригласи. Действуй.

— Да рядом с ней этот Кислицин...

— Покажи ей, что ты в сотни раз круче Кислицина.

— Думаешь, па? — его взгляд на секунду теплеет.

— Уверен!

Я встаю с кровати, откладывая зайца в сторону.

— Ты маму любишь? — прилетает в спину, — Хотя бы немного?

— Я... Она важный человек в моей жизни.

Сглатываю ком горечи. Ди... она всегда будет особенным для меня человеком.

— Я другое спросил! — сын настаивает.

— Не знаю, Леон, — и мне кажется, что я признаюсь не ему. А себе.

Я любил жену. Сильно... Но что-то между нами изменилось. Что-то сломалось после рождения Златы.

— Тогда ты должен ее отпустить. Не хочу, чтобы мама страдала рядом с тобой.

Его слова сбивают с толку. И отчего то они мне совсем не нравятся. Словно сын готов к тому, что мы будем не вместе с его мамой. Но, черт возьми, я не готов. Не готов ломать все без возможности возврата.

Глава 10.

Звоню в дверной звонок, испытывая легкую панику. Я очень давно не была здесь. Точнее как, была, но больше заезжали на чай, а не так, чтобы жить.

Злата на руках треплет мои кудри, рядом серьезный подросток с сумками в руках.

Решение далось сложно, но другого варианта я сейчас не вижу. Смею надеяться, что хотя бы Леон поддерживает меня.

— Здравствуйте, наши дорогие.

На пороге возникает улыбающаяся мама. Как и всегда, идеально приглаженный низкий пучок, юбка до середины икры и сверху легкий свитер, который прикрывает все то, что должно быть закрыто.

— Привет, — поджимаю губы в нервной улыбке.

Бросает серьезный, но многоговорящий взгляд и молчит.

— Леон, обалдеть! — раскрывает объятия, но мой сын чуть ли не морщится: — Как ты вырос, настоящий мужчина!

— Привет, бабуль.

Бросает не давая ни намека на улыбку и входит в квартиру. Захожу следом, пока мама складывает руки в замок, провожая его взглядом.

Держись, Диана.

— А это кто у нас тут? — тянет руки к Злате, на что дочь рассматривает ее, пытаюсь понять кто это: — Ну иди ко мне, куколка.

Отдаю ребенка, наблюдая, чтобы предвидеть истерику. Но дочь тут же тянет руки к броши, что красуется у матери на одежде.

Завожу оставшийся чемодан, и закрываю дверь, глубоко вдыхая.

— Вы проходите, проходите. Диана, дочка твоя комната готова. Белье я постелила.

— Спасибо, мам.

Раздеваюсь, смотря как Леон топчется на месте.

— Что такое? — хмурюсь, обращаясь к нему.

— Я пойду, мам, тренировка через пару часов, да и... — оглядывается по сторонам.

— Мам, раздень пожалуйста Злату, я сейчас.

Мать старается скрыть подозрительный взгляд, но выходит у нее не очень.

— Сынок... — вздыхаю: — Это временно, понимаешь. Знаю тебе некомфортно, здесь нет твоей комнаты, но я прошу тебя чуть-чуть потерпеть.

Леон смотрит прямо, как его отец, засунув руки в карманы.

— Ма, не парься. Все в норме.

Нет, сынок, далеко не в норме, но понятное дело, я молчу.

— Ладно, сейчас... — судорожно роюсь в сумке, доставая кошелек: — У меня есть немного наличных, вот.. — достаю пару тысяч.

— Мам, — Леон подходит, кладя руку и останавливая меня от суматошных движений: — Все хорошо, у меня еще остались деньги с прошлой недели.

Киваю, стараясь не разрыдаться.

— В конце концов, я могу позвонить отцу, так? — спрашивает заглядывая в глаза.

— Да, конечно, — улыбаюсь.

Резко все это кажется сюрсом, а мои убеждения, что у меня все получится канут в лету.

— Если нужны будут продукты, или мелкой чего, позвони, лады?

— Хорошо, спасибо, — глаза уже на мокром месте, но я улыбаюсь.

— Я до одиннадцати, — тут же озвучивает, вроде бы спрашивая.

Усмехаюсь, но соглашаюсь.

Леон сразу уходит, а я прикрыв глаза считаю до десяти, прежде, чем пройти в гостиную.

— Ну как вы? — захожу, цепляя улыбку.

— Не тебе у нас спрашивать, — реагирует мама.

— Где отец? — оставляю без внимания реплику.

— У него лекция в университете, я сообщила ему новости.

Киваю, вполне ожидаемый исход. Нет ничего, чтобы моя мать утаивала от отца.

— Диана... — ох уж этот укоризненный тон: — Ну вот как ты будешь теперь?

Достаю из сумки бутылочку с молоком, чтобы пойти ее и разогреть.

— Как и все люди, мам.

— Ох... — причитает она: — Говорила ведь тебе, что Сережа Андреев стал бы тебе замечательным мужем. Он, кстати, сейчас преподает в институте культуры, кандидат наук, и не женился еще. Но нет же, упертая, сбежала к своему этому дворовому хулигану.

Глубокий вдох.

— Мам, Демид совсем не дворовый хулиган, а владелец своей компании, которую выстроил с нуля, — чеканю уверенным тоном.

— Ну и где этот твой владелец компании?!

Ухожу на кухню, ставя бутылочку с молоком в микроволновую печь.

— А он, милая моя, обжимается со своими секретаршами... Я убеждена, что Сережа никогда бы не поступил столь низко, — идет следом за мной.

— Мам!

Раскрываю шкафчики в поисках салфеток.

— Где у тебя салфетки?

— Вторая полка слева. Вот скажи мне, ты ведь уже в таком возрасте, еще и с двумя детьми. Что ты будешь делать?

Резко закрываю дверцу шкафчика, доставая чертовы салфетки и оборачиваюсь к ней.

— Буду строить свою жизнь, мама. Еще никто от развода не умирал.

— Господи, Диана! — повышает голос, но Злата тут же начинает возмущаться: — Ой, прости, куколка моя. Ты считаешь, что он даст тебе хоть что-нибудь? Квартиру купит? Денег даст? Не будь так наивна, дочка!

— Даже если и раздел имущества будет в его пользу, я сама приобрету все, что мне нужно.

Я не знаю как будет проходить развод, не знаю, что будет делать Демид. Но, уверена, что детей он обеспечит, а значит остаюсь лишь я. На этот счет уже перебрала мой гардероб, в котором часть вещей одевалась один раз дай бог, если продать платья и украшения, на первое время будут небольшие деньги.

Как-нибудь продержусь.

В первую очередь, у меня в голове есть эфемерный план. А переезд к родителям, это временная мера и первый шаг к его реализации.

— Ой, Дианочка... — мама качает головой: — Повелась на этого бесчувственного тирана... теперь будешь страдать.

Беру бутылочку, забирая Злату из ее рук.

— Справлюсь, мам, — бросаю напоследок и ухожу в нашу комнату.

Она что-то бурчит в ответ, но за мной не идет. Хотя бы за это я ей благодарна.

Усаживаюсь на кровать, чтобы покормить Злату.

В комнате все также, как и раньше.

Светлая и просторная, замысловатые узоры и золотистые ручки на мебельном гарнитуре навевают прошлое.

Помню, как Демид впервые увидел интерьер квартиры родителей. Такое яркое удивление на его лице, и изумленный шёпот, что он оказался в музее. Смеялась я тогда долго и громко, а он с приподнятыми бровями осматривал обстановку.

Здесь действительно есть что-то от музея: паркетная доска прошлого времени, намеренно состаренная, высокие потолки, лепнина, множество сервантов, шкафы с книгами и массивные кресла с ажурными торшерами.

В нашем доме... несмотря на то, что даже есть хрустальная люстра в столовой зоне и витиеватые узоры на ножках стульев, обстановка гораздо современнее, чем тут.

Мое рвение в том, чтобы создать уют и красоту в доме, где мы должны были быть счастливы шокировало Демида, но мне действительно это было не в тягость, а наоборот, кажется, что это было тем, что могло бы меня увлечь.

Пока я размышляю, Злата засыпает и я перекладываю ее на кровать. Из подушек делаю подобие защиты, чтобы она не упала.

Не замечаю, как в комнату приоткрывает дверь мама, молча протягивая мне телефон.

Хмурюсь, снимая блокировку.

Десять пропущенных вызовов от «любимого».

Значит приехал домой.

Глава 11.

Пока собираюсь с мыслями, чтобы набрать мужа, телефон повторно оживает. Правда звонит уже не Демид, а классная руководительница Леона.

Странно, обычно она в такое время не тревожит. Да и звонит крайне редко, в основном, когда сбор денег на очередной ремонт. Хотя Демид капремонт оплачивал уже неоднократно.

И его, кстати, за эти годы так и не закончили.

Поднимаю трубку, здороваясь с женщиной, и тут же краснею. От ушей до пят. Покрываюсь испариной, а дыхание прерывается. Я привыкла слушать похвалу в сторону сына и испытывать за любимого ребенка исключительно гордость, а сейчас готова сквозь землю провалиться.

Потому что нас с Демидом вызывают в школу. И не просто так, на беседу, а именно к директору.

Пытаюсь уточнить причину, но Лариса Раилевна говорит, что все подробно при встрече. Но все удастся выпытать, что на сына написали заявление.

Женщина еще раз повторяет время и кладет трубку. А я трясусь от страха.

Вряд ли Леону будут вручать грамоту за особые заслуги.

Как же все не вовремя.

— Демид, — встревоженно сама перезваниваю мужу. Сейчас не до претензий, дело серьезное.

— Диана, какого черта? Куда ты делась? Где дети?

Хмыкаю. Стоило просто уехать, и ему стали мы интересны. Ну нет, дорогой, так не пойдет.

— Мы уехали к моим родителям.

— В гости? — голос успокаивается. Я и раньше уезжала с детьми, правда всегда его предупреждала.

Интересно, за время нашего отсутствия он таскал всяких личностей в наш дом?

— Нет, пока здесь проживем. А потом решать буду.

— И что это значит?

— Мне правда нужно объяснять?

По мне так все предельно ясно. Странно, что Демид под дурачка косит.

— Детский сад, Ди. Сбегаешь из дома, как маленькая девчонка. Топаешь ножками. Детям думаешь вообще все это нравится?

— Да, зато им очень нравится гуляющий отец, — злость клокочет в груди. Как долго он пытается делать меня виноватой во всем, — Впрочем, это сейчас неважно, Демид. Есть кое-что поважнее. Завтра нас ждут у директора. У Леона серьезные проблемы.

— Сходи одна, Ди. У меня переговоры.

— Нет, Аристов. Послушай меня внимательно, это наш сын, а не только мой. И наш сын избил одноклассника. Его родители написали заявление в полицию, все серьезно. Ждут нас обоих, завтра в 15:00. Подвинь уж своих шлюх на вечер, будь добр.

Скидываю трубку, потому что еще секунда, и наговорю лишнего. А эмоции ни к чему. И так их стало слишком много.

На следующий день я уже стою на крыльце, переминаясь с ноги на ногу. С Леоном утром поговорить не удалось, он быстро убежал на занятия. А вечером я долго укладывала Злату, из-за зубов малышке совсем нездоровится. Пришлось оставить с матерью, однако переживаю все равно как они там.

В ожидании мужа прикусываю нижнюю губу, не хочу выяснять отношения, хочу просто решить вопрос с сыном. Это ужасно. Как мой ласковый мальчик мог кого-то избить? Разве такому мы его учили?

Из-за поворота появляется машина Аристова, я тут же выпрямляю осанку и поправляю волосы.

Но моя уверенность летит в бездну, когда я замечаю на пассажирском сиденье девушку.

Блондинка. Это все, что мне видно. И это все, чтобы понять, кто она такая. Очередная молодуха, что позарилась на кошелек моего мужа. Замечательно.

Боль пронзает каждую клеточку тела, даже воздуха не хватает. Хочется закричать, сильно. Чтобы выпустить все женское горе наружу. Но я держусь. Сжимаю пальчики в тесных лодочках, чтобы усилить физическую боль и притупить душевную.

Кажется, я нашла новое средство. И ничего в этом хорошего нет.

Вонзаю свой французский маникюр в мягкие ладони, но в этот раз фокус не получается. За грудиной жжет и плачет сердце.

— Привет, — Демид благоухает, выходит из машины, поправляет рубашку, распахнув пиджак, и в два шага ровняется со мной.

Я смотрю через плечо, не отрывая взгляд от девушки. Она словно чувствует и поворачивает голову в мою сторону. На ее лице красуется победная ухмылка. Кажется она знает, кто я. А я вот понятия не имею, кто она. Только догадываюсь.

— Ди, — Демид ловит мой взгляд, и мне на секунду мерещится в его глазах сожаление, — Отлично выглядишь. Идем?

Я поджимаю губы, чтобы не заскулить от отчаяния, и киваю. Он дотрагивается до моего плеча, чтобы придержать меня, когда мой каблук касается ступеньки выше, но я одергиваю руку. Это все лишнее.

— Дем, — сладкий голос раздается за нашими спинами, — Коть, только не долго. У нас планы, надеюсь ты помнишь.

Спина загорается пламенем огня от боли и стыда, я поворачиваюсь вполоборота и, сейчас бы мне тоже не помешала помощь, потому что я теряю равновесие. Просто цепляюсь взглядом за одну небольшую, но весомую деталь. И начинаю ненавидеть мужа еще больше. И моей ненависти нет предела.

— Алина, сядь в машину, живо, — он не ласков с ней. Приказывает. Смотрит коршуном в сторону девушки. А ей хоть бы что, растекается лужицей у его ног, заглядывает в рот.

Мерзость.

Провожая взглядом ее фигуру, но смотрю в одну точку. На ее руку. Вернее на ее ладонь, что сжимает в руках ту самую сумочку. Фурла ей не к лицу, дешевая одежда с такой сумкой...

Однако, мой муж решил преподнести именно этой даме подарок.

Он ловит мой взгляд, направленный словно лазером на этот злосчастный элемент гардероба, и молча уводит меня с крыльца.

Я давлюсь немым возмущением. Он макнул меня в грязь лицом, унизил.

И на вопрос “за что?”, так и не ответил.

Алина, блогер, 23 года

Глава 12.

— Мне крайне неприятно это говорить... — озвучивает директор гимназии: — С Леоном никогда ранее не было проблем. Очевидно, что этому есть какое-то объяснение. Однако, наше учебное заведение не приемлет подобного.

— Вы можете уже объяснить что случилось?! — Демид явно раздраженный.

Я и сама сейчас не в лучшем состоянии. Это надо было... Это... до сих пор не могу подобрать слов. Привезти сюда свою любовницу, на всеобщее обозрение, в такой момент, который касается наших детей.

— Леон избил своего одноклассника. — укоризненно отвечает ему директор: — С не присущей ему яростью. Это ненормальное и недопустимое поведение. Я думаю, вы понимаете, что как родители..

— Безусловно понимаем, — перебиваю, потому что не намерена выслушивать, как отсчитывают нас, хотя уверена есть за что: — Но мой ребенок, наш... не стал бы без причины причинять кому-то вред. В чем была ситуация? — смотрю на директора, не давая слабину во взгляде.

Однако, чувствую, что на меня еще и смотрят сбоку. Эти глаза оставляют буквально ожоги на лице и теле. Потому что сейчас он никакого права не имеет ни смотреть, ни даже говорить со мной.

Директор складывает руки в замок, и немного тянет.

— Марк Говоров высказал что-то нелестное в адрес вашей семьи.

Прикрываю глаза, вновь ощущая груз того, что мой сын испытывает трудности только из-за нас. Даже не потому что он подросток, и в какой-то степени может себе позволить короткий период бунтарства.

Посылаю взгляд в Демида, тот потирает щетину, отворачиваясь. Сам вероятно понимает из-за чего мы здесь оказались.

— То есть, — металл в голосе Демида так и чувствуется: — Хотите сказать, что парню, который не уважает и не имеет воспитания пара кулаков от моего сына были лишними?!

Прекрасно понимаю, что делает Демид. И даже если не приемлю его методы, то тут абсолютно с ним согласна.

— Вы же понимаете, Демид Романович, что подростки...это не всегда по правилам, однако мордобой, прошу прощения, не входит в исключения.

— Замечательно, тогда зарубите себе на носу, что мой ребенок будет отвечать на подлые поступки сверстников. А если вы ждёте от Леона, чтобы он подтирал сопли кулаком уходя и отмалчиваясь, то будем вынуждены отменить все взносы в ваш бюджет и перевести сына в более качественное место, — Демид это говорит, даже слегка расслабленно, но я вижу, что он напряжен не меньше директора, у которого на слове взносы глаза вылезли из орбит.

— Идем, Ди. Я думаю, Святослав Валерьевич нашу позицию услышал.

— Мы поговорим с сыном, но и вы не оставляйте без внимания тот факт, что оскорбления в адрес семей учащихся, это не та модель, которую вы можете поощрять отсутствием наказания. До свидания.

Встаю, а Демид придерживает дверь, пропуская меня вперед.

Это ощущение сплоченности даже на какой-то миг мне напоминает нас, но как только мы выходим из кабинета, оно лопается как мыльный пузырь.

— Я улажу, — говорит Демид мне в спину.

— Будь добр. И я надеюсь, что ты не похлопаешь его по плечу, а объяснишь, Демид, что судачить будут в любом случае. Твоя задача лишь донести до ребенка, что не нужно на это обращать внимание.

— Подожди, — хватает за руку, которую я тут же одергиваю: — Ты больше не хочешь ничего мне сказать? — хмуро задаёт вопрос.

Отрицательно качая головой, вновь разворачиваясь у выхода из здания.

— Диана, перестань и вернись домой.

Приказной тон узнаю, только теперь он отчего то не вызывает ничего.

— Демид, ты услышал меня по телефону. И я уверена ты не из тех людей, которым требуется повторять.

— Да твою мать, Ди! Живи в доме, ну что за идиотизм, жить с родителями!

Останавливаюсь, считаю про себя до трех. Ощущение, что как будто все колющие предметы медленно вонзаются в кожу. Но вздергиваю подбородок, оттесняя боль, позже я смогу вдоволь насытиться тем, какой жалкой он меня сегодня выставил.

— Я не хочу жить в том доме, — поворачиваясь отвечаю вполне спокойно, что вероятно еще больше выводит его из себя: — Не хочу тебя видеть, Демид.

Последнее выходит настолько искренним, что даже улавливаю, как он теряется.

— Не говоря уже о том, чтобы жить с тобой. Я не злюсь... — отчасти это правда, если бы я сегодня не увидела эту выухоль, то вполне справлялась бы лучше: — Ты просто разочаровываешь меня как человек.

Делаю шаг ближе, благодаря классного руководителя, что встреча была назначена уже почти после всех уроков.

— Тебя там ждут, поэтому давай не будем отнимать время друг друга. Мы связаны детьми в любом случае, однако, это не обязывает нас вместе жить, общаться и хоть как-то взаимодействовать. Поэтому, я, как и ты, вольна делать то, что посчитаю нужным. К сожалению, опору в виде друг друга мы оказывается потеряли уже очень давно.

— Ди! Не носи чушь! Мы не чужие люди, ты и сама это знаешь. Есть много моментов, которые нас связывают.

— Именно по этой причине, я сейчас стараюсь разговаривать с тобой, как с отцом своих детей. А не с тем, кто уничтожил мою душу, а теперь еще и выставил на посмешище, приехав сюда со своей любовницей.

Он сжимает челюсть, опуская глаза.

— Это вышло не специально, Диан. Я бы не стал делать это специально...

— Ты уже сделал, Демид, — с горькой улыбкой пожимаю плечами: — Я не хочу с тобой ругаться, бороться или доказывать что-то, но и требовать от меня ты больше не можешь ничего.

— Ты все еще моя жена, — чеканит он в ответ.

В этот момент пиликает сигнал смартфона, и раздражаясь еще больше он нервно достает его. Застывает, читая что-то, а я начинаю переживать, не случилось ли чего. Но быстро смахиваю мысли, теперь об этом будет заботиться та, кто ждёт его в машине.

Демид очень медленно отрывает взгляд от экрана, а в глазах бушует ярость. Несмотря на то, что они темные, сейчас кажутся чернее. Желваки отчетливо проявляются, и я хмурюсь, потому как он тяжелой поступью двигается на меня.

— Это что?! — рыча, поворачивает телефон экраном ко мне.

Набираю в грудь побольше воздуха.

— Я хотела ответить тебе на предыдущую реплику, но теперь и так очевидно, — не сводя взгляда с бушующего мужчины: — Тебе нужно всего лишь дать свое согласие.

— Ди-а-на, — сквозь сжатые зубы шипит: — Я уже говорил, что развода не будет.

— Тогда нужно готовится к суду, Демид. Потому что если ты не направишь свой ответ, все решит суд.

Он качает головой, озлобленно усмехаясь в сторону, и вновь возвращает взгляд на меня.

— Ты хоть понимаешь, что это будет значить для семьи?!

— Какой семьи? — вопросительно вскидываю брови: — Перестань упорствовать на том, чего и так нет. Твоя выгода очевидна, имущество я у тебя не прошу. Леон уже сам будет решать с кем захочет остаться.

— Да ты издеваешься?! Думаешь, что я, блядь, оставлю вас на улице?! — он буквально свирепеет.

И я не нахожу ничего лучше, чем подойти и дотронуться до его плеча.

— Сейчас мы в школе. Не стоит давать еще один повод, чтобы обсмеивать нашего сына. Если ты не согласен, я готова встретиться с адвокатом. Но, Демид, я разведусь с тобой. Это не угроза, не предупреждение, это желание человека, который тебя любил. И если хотя бы немного... — он фактически рычит, прикрывая глаза: — Ты любил и был счастлив со мной, то прошу тебя сделать это быстро и безболезненно. Ради наших детей.

Аристов молчит, сжимая губы. Невольно рука гладит его плечо, а на глаза просятся слезы. Но я одергиваю руку, посылая сама не знаю какую улыбку и спешно иду к выходу из здания школы.

Грудь рвется от эмоций и надрыва души, но собирая всю свою силу в кулак я до последнего смотрю вперед, держа осанку и прогоняя слезы.

Знаю, смотрит вслед, чувствую, как и всегда, но не оборачиваюсь, потому что если сделаю это, то картинка сильной женщины может посыпаться как разбитый хрусталь.

Оказываясь на улице рвано дышу, испытывая гордость вперемешку с горечью, разочарованием и обидой. Бросаю взгляд на его спорткар, около которого вижу все ту же молодую девушку и мысленно оставляю его ей.

Глава 13.

— Мам, я тут решила начать искать работу... И я бы хотела тебя попросить некоторое время посидеть со Златой, — захожу на кухню, где мать заваривает вкусный и ароматный липовый чай из листьев, собранных на нашей даче.

Ее руки замирают над чайником, я вижу как дергается ее подбородок, и уже мысленно готовлюсь услышать порцию непрошенных советов.

Но я уже все для себя решила. И это не протест. Это внутреннее, искреннее желание. Я хочу сделать что-то полезное для своих детей кроме любви.

Однажды, когда моя сладкая девочка только родилась, я открыла глаза ранним утром и испугалась. Испугалась того, что Злата истошно кричала в своей кровати, а я не могла пошевелиться, чтобы встать и успокоить дочь.

Демид тормозил меня, звал, а мое тело словно парализовало. Уже тогда я почувствовала неладное, началась сильная послеродовая депрессия.

Я снова прогоняю воспоминания, когда упивалась своим горем. Тяжелые полгода, и я почти не помню дочь. Все делал Демид. Может поэтому сейчас он так холоден к ней, девочка хотела маму и не сильно давалась отцу. Может в нем говорит обида? Я не знаю...

Знаю одно, мне нужно взять ответственность. Да, я не работала ни дня, но не бывает времени, когда поздно начать. Только если на том свете.

Мне нужно своим примером показать детям, что любые трудности преодолимы. И это мой личный выбор — страдать или взять себя в руки. Увы, времени для страданий у меня нет.

— Дочь, это глупости все, — ее губа дрожит от недовольства, она берет чайник и разливает чай по кружкам. Суется, пытаясь скрыть нервозность, — Демид без денег вас не оставит.

— Ты права, мам. Не оставит, он не подлый в этом плане человек. Однако, это будет еще одна возможность тыкнуть мне в то, что я без него не могу. А я хочу показать ему, что могу. Мам! Я могу без него, — слова срываются с губ вместе с непрошенными слезами.

Я смогу без него, сквозь боль и растоптанное сердце. Но смогу...

А сможет ли он без меня? Сейчас, когда я ушла, когда он остался один, в пустом и холодном доме. О чем он думает, гоняет ли мысли? Сожалеет ли хоть немного?

— Это все эмоции, доченька. А на деле, чем ты можешь быть полезна? — ее слова задевают, но она просто боится. Боится, что я не справлюсь.

В меня никто никогда не верил. Тихая, скромная девочка. Отличница, прилежная. Хорошая мать и жена. Всем всегда угодная и удобная.

Но Демид своим предательством разбудил во мне что-то новое... Новую Ди.

Которая хочет бороться, хочет доказать, что идеальная — не значит смиренная. Это значит, что сильно любящая и отдающая. И это, черт, не ценят!

— Мам, если ты не готова сидеть с родной внучкой, то так и скажи. Я попрошу Клару... — не успеваю договорить, как мамино лицо вспыхивает от злости.

На самом деле это была некрасивая, но осознанная манипуляция с моей стороны. Мама недолюбливает мать Демиды, поэтому даже в воспитании внуков всегда с ней соревнуется.

— Что ты такое говоришь? — со звоном ставит тарелку с вкусным вишневым пирогом на стол, — Конечно, я посижу с куколкой. Просто за тебя переживаю. Удумала еще, Клару...

Она продолжает причитать, а я прячу победную улыбку в ворот свитера.

После чаепития, я открываю свой ноутбук. Демид купил мне его, когда я захотела пройти онлайн-курсы материнства. И после я не открывала ни разу. Но пришло время использовать гаджет в более серьезных целях.

Полвечера провожу в поисках работы, пролистываю сайты, ищу объявления. Но везде нужен опыт. И с каждым новым объявлением о вакансии, мой боевой настрой утихает.

Устало тру глаза, попутно покачивая люльку Златы. Дочь сладко спит, прикусываю кулачок, я аккуратно убираю руку из ее рта, чтобы не испортился прикус.

— Мам, — в комнату заходит Леон, он шепотом зовет меня, но я лишь качаю головой, отвернувшись.

— Мам, ну не злись, — сын прикрывает дверь, на цыпочках подбираясь к кровати, — Мусечка, — слышу такое редкое от него ласковое прозвище, — Я буду каждому морду бить, кто семью мою унижит. Слышишь? За тебя убью...

— Леон, — вскрикиваю полусшепотом, — Какой ужас!

— Если отец не может тебя защитить, — я вижу как сжимаются его кулаки, — То это буду делать я.

— Мой защитник, — прикладываю голову сына к груди, орошая макушку поцелуями. Мой лучший мужчина.

Сын позволяет эмоциям выйти наружу и обнимает меня за талию. И я понимаю, какой бы он смелый не был, он ребенок. И ему больно. Драки — это выпуск его боли наружу.

— О, ты что, работу ищешь? — сын касается тачпада на ноутбуке, просматривая историю поиска, — Ма, ты неправильно серчишь.

Опять эти сленговые словечки...

Он что-то активно печатает, я благодарю мысленно его, что не стал задавать лишних вопросов.

— Короче, вот как-то так, — Леон показывает готовое резюме.

Читаю про опыт работы и округляю рот.

— Леон, это же вранье... У меня нет такого опыта.

— Ма, — он цокает, закатывая глаза, — Ну все привирают. Все приписывают себе те качества, которыми не особо обладают. Это конкурентный мир, и нужно уметь крутиться и вертеться. Не парься, я написал то, с чем ты точно справишься.

Вздыхаю, в шоке.

— И откуда такие познания?

— Отец научил, — в голосе сына отчаяние. Они так часто проводили время, Демид многому сына учил, они строили полгода огромную самодельную железную дорогу. Ходили вместе в бассейн, смотрели документальные фильмы про устройство мира.

Сын обожал отца. И как Демид так мог просрать это все ради...

Снова обнимаю сына, прижимая к себе. Ничего, мы со всем справимся. Я справлюсь. А мои дети и так со стержнем. Свой я приобрету.

Глава 14.

— Присаживайтесь. Я сообщу Геннадию Петровичу.

Приятная девушка указывает на диван, а я нервно озираюсь по сторонам, рассматривая офис.

Первое мое собеседование в жизни. Когда поступил звонок, не могла скрыть восторга, хоть Леон там и написал кучу всего. Но я подтвердила, что смогу организовать закрытый неформальный фуршет, в плане подготовки и прочего.

Вообще кейтеринг был бы для меня интересным способом заработка, а так, посмотрим, что скажет мне работодатель, учитывая то, что я новенькая на этом поприще.

Офис фешенебельный и, очевидно, владелец компании не из простых людей, хотя и указано, что это государственное учреждение.

— Диана Александровна, прошу, — девушка вновь окликает и, поправляя юбку, я тут же встаю.

Прохожу в кабинет, где за огромным столом сидит мужчина лет сорока пяти. Смотрит слегка удивленным взглядом, приглаживая галстук.

Оценивать не возьмусь, но он действительно похож на представителя чиновников или что-то оттуда. Немного в теле, костюм с брошью о принадлежности то ли к партии, то ли еще к чему-то. Светлые волосы уже с залысиной на макушке и цепкий лукавый взгляд.

— Здравствуйте, — вежливо улыбаюсь, не зная могу ли садиться.

— Доброго дня, доброго дня... — рассматривает и отчего-то это неприятно: — Диана, верно?

— Да.

— Вы садитесь, садитесь. В ногах правды нет, — киваю и спешно опускаюсь на стул напротив.

— Меня зовут Геннадий Петрович, — представляется, а сам буквально не спускает глаз. Немного навязчиво, но может быть это его манера общения, скажем, проверка.

— Не буду петь дифирамбы моим заслугам, полагаю, учитывая сумму, обещанную за работу, Вы понимаете, что не бедствуем, — выдает смешок.

Да уж.

— Меня больше интересуют часы занятости и возможность неполного рабочего дня, — заготовленная фраза, которая является ключевой.

— Знаете, мне показали ваше резюме, уверен, не так много предложений поступает, в силу отсутствия трудового опыта...

Немного тушуюсь, но упрямо смотрю на мужчину.

— Правильно ли я понимаю, что это проектная деятельность? — не отвечаю на реплику, потому как мне кажется, это не сильно воспитанно.

Но даже если судить по Демиду, власть и деньги меняют людей, к сожалению.

— Я бы так не сказал... — снова смешок: — Откровенно сказать, организация фуршета, это скорее тестовое задание. Так как от этого будет зависеть наше дальнейшее сотрудничество.

— Какого рода? — хмурюсь, в вакансии было написано только о бизнес встрече.

— Не люблю ходить вокруг да около, Диана... Я вдовец, у меня есть сын старшеклассник, и честно сказать, нанимать тучу персонала, чтобы мой дом хоть в каком-то виде принял уют, желания нет. Мне нужен человек, который будет следить за коттеджем, обустраивать его. Да и знаете ли, ресторанная еда уже не вызывает гастрономического...оргазма... — улыбается.

Но ощущение, что только губами.

— То есть вы хотите, чтобы я стала вашей экономкой? Если конечно, вас устроит моя работа.

— Я бы назвал это помощницей...но в целом, да, — выжидательно смотрит, а потом добавляет: — Конечно, рано еще говорить...но отчего-то я уверен, что мы с вами сработаемся.

Странный разговор выходит, как-то не так я себе представляла прохождение собеседования.

— У меня двое детей, и дочь еще очень мала, ей всего лишь годик, поэтому сразу хочу отметить...

— Диана, милая, это не проблема, — отмахивается, откидываясь на спинку кресла: — В конце концов, для персонала пустует отдельный домик на территории.

Вида не подаю, что это меня может быть даже интересует. Такое решение нужно обдумать, да и неправильно жить на работе. В конце концов, Леону это точно будет неудобно.

— Давайте остановимся на том, что пока еще рано об этом говорить. Я заинтересована в вашем предложении, но мне необходимо обдумать.

— Вы замужем? — вопрос, которого боялась и долго раздумывала снимать ли кольцо.

— Если вы имеете в виду, есть ли у меня семья, то ответ да, — пытаюсь не делать акцент конкретно на Демиде.

Мужчина кивает, но взгляд слегка прищуривает.

— Как вы понимаете, фуршет будет проходить в домашней обстановке, благо ресурсы позволяют... — снова этот смешок, очевидно, который я должна расценивать, как то, что у него не закрывается кошелек.

Это смешит, но в конце концов, не все начальники идеальные. Вот Аристов точно тот руководитель, которого я бы не хотела.

— Я не готовила, скажем, массово. Но дома ужины были всегда из под ножа и не хуже ресторанных изысков. Обеспечить сервировку стола для меня совершенно не проблема, так как сама люблю уют и красоту.

Геннадий Петрович внимательно слушает, а я действительно уверена, что справлюсь. В конце концов, готовка была моим хобби сколько себя помню.

— Это бесспорно... — выдает он спустя паузу: — Вам направят адрес и назначат время для встречи.

Киваю, улыбаясь. Конечно, это еще ничего не значит, но сам шаг, что я сама вселяет потерянную уверенность.

— Спасибо вам.

— До скорой встречи, Диана.

Отвечает, вставая с кресла.

Я тоже поднимаюсь и прощаясь выхожу из кабинета. Улыбка так и не сходит с лица, поэтому решаю позвонить сыну.

— Ма? Ну как прошло?

— Пока не знаю, но кажется у меня будет испытательный срок, — даже тараторю слегка.

— Я в тебе не сомневался, мам! — уверенно заявляет сын.

— Спасибо, Леон, — это вызывает щемящую нежность в груди.

— Я тут..эм...немного занят, перезвоню, лады?

Соглашаюсь, по идее, у него должна быть тренировка и отключаю звонок. Вызываю такси загород, чтобы заехать за оставшимися вещами Златы.

В машине мысли уже всюду кружат над тем, что бы такого приготовить и в каких цветах накрыть стол. Сто процентов потребуются живые цветы и красивые дорогие салфетки. Воображаю себе картинки, хоть и понимаю, что бессмысленно. Коттеджа я не видела, но хотя бы коплю идеи как можно организовать эту неформальную бизнес-встречу.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.